

Для Ци Цзи эта ночь, обещавшая быть бурной, прошла неожиданно тихо.

На смену ей пришли изнурительные тренировки и бесконечные разборы тактики. Цинь Цзюэ, как ни в чём не бывало, продолжал каждый день «сеять милосердие и элегантность» над виртуальными свежими могилами соклановцев. Единственное отличие — руководство категорически запретило ему включать микрофон. Всё казалось привычным, но Ци Цзи чувствовал: что-то здесь не так.

Перемена бросалась в глаза: после той самой ночи отношение Цинь Цзюэ к нему резко потеплело. И потеплело настолько, что становилось даже дико.

Взять хотя бы столовую. Раньше Цинь Цзюэ с пренебрежением смотрел, как тот не умеет даже кости из рыбы вытаскивать, а теперь вдруг усаживался рядом и аккуратно выбирал их сам. И хотя по-прежнему язвил, в голосе больше не слышалось прежней злости:

— Эх, отцовская любовь тяжела как гора. Растроган? Раз растроган — ешь давай.

И не успевал Ци Цзи, опешив от смеси удивления и радости, ответить, как Цинь Цзюэ кидал перед ним очищенный мандарин и сваливал по своим делам.

Или в спальне. Прежде Цинь Цзюэ каждый вечер заводил одну и ту же пластинку: «Это в последний раз, с завтрашнего дня спим отдельно!» Теперь же, пока Ци Цзи был в душе, он первым ложился на край кровати, прогревая его своим телом, а потом уступал место — буквально грел ему постель:

— Чего застыл? Красную дорожку постелить?

Ци Цзи лишь спустя некоторое время приходил в себя и с немым изумлением нырял под одеяло. А Цинь Цзюэ вдруг заводил невиданные раньше разговоры:

— Поглядел на Вэйбо — куча народа подседа на меня после той битвы с читерами. Есть у людей вкус, чего уж там. Но какого хера меня постоянно связывают с этим раком Вэнь Жуном? Бесит, блядь. По мне так... да лучше уж с тобой, ты хоть не так раздражаешь, да и подмять под себя проще.

В игре же Цинь Цзюэ, никогда не отличавшийся мягкостью, начал отдавать ему лучший лут и сыпать изошрёнными комплиментами, пока их сыгранность растила крылья:

— Ну и скорость пальцев! Ты что, с прошлой жизни девственником прозябаешь? Слушай, ты ему в едва торчащую макушку засадил... Мне что, реально начать звать тебя Маленьким богом Хуа? Может, папочка вообще станет твоим рюкзаком? Оцени, как красиво я подбираю патроны 5.56! Если нормы сдал, завтра пойду волонтером в соцслужбу, хе-хе-хе.

... Фальшь. Наиграно до ужаса.

От сменившихся эмоций — от радости к неловкости, а затем к морозной дрожи по коже — Ци Цзи окончательно потерялся. Голова была будто после лютой пьянки с провалами в памяти. Он никак не мог вспомнить, что стряслось той ночью и почему Главный токсик азиатского сервера превратился в вот это.

Во время короткого перерыва между изнурительными тренировками старые волки Цуй Сюэчжи и Шэнь Е, естественно, заметили эти перемены куда раньше. Дождавшись, когда в тренировочной никого не останется, они устроили Ци Цзи настоящий допрос:

— Сяо Хуа, ну ты даёшь! Что ты с ним сделал? Это точно наш Главный токсик азиатского сервера, который пляшет на чужих могилах и материт всё живое?

Ци Цзи откинулся на спинку геймерского кресла, лениво постукивая пальцами по клавиатуре. Чем сильнее он пытался заставить память работать, тем больнее пульсировало в висках. С трудом собранные за пару дней обрывки воспоминаний складывались лишь в одну фразу:

—... Губа болит.

Шэнь Е и Цуй Сюэчжи опешили, разинув рты, а Ци Цзи с максимально серьезным видом продолжил делиться переживаниями:

— Ямка под нижней губой... она у меня очень чувствительная. Такое ощущение, будто той ночью её обо что-то долго тёрли. Наутро... больно было пиздец. И после этого его отношение ко мне резко изменилось.

Выглядел он при этом как младшеклассник, признающийся родителям в проступке.

— Чувствительная? — глаза Шэнь Е задорно блеснули, и он не упустил случая подколоть: — Мужикам нельзя вот так разбрасываться словами про чувствительность, Сяо Ци~

— Ты хочешь сказать, что после той ночи Цинь Цзюэ переклинило? — Один лишь Цуй Сюэчжи сохранял подобие серьезности, но даже когда Ци Цзи кивнул, тот на корню отверг собственную догадку: — То есть Цинь Цзюэ, у которого с бабами всегда всё было чётко и чёлкой набок, мог сделать что-то с губами взрослого пацана? Да ну бред, нахуй... Не верю.

— Бог Цуй... — замялся Ци Цзи, у которого ход мыслей явно отличался. — Мне кажется... это возможно. Иначе с чего бы ей болеть? По-моему, я в тот вечер заснул не умывшись. Наверное... он просто протёр мне лицо полотенцем.

— Полотенцем? — хмыкнул Шэнь Е, снова заходясь со смеху. — Слушай, я, конечно, всякое видал, но сцена выходит слишком уж романтической. А может, он вытер её собственным ртом?

Ци Цзи не уловил сарказма в шутке Шэнь Е и замёрз на месте. А Цуй Сюэчжи, сам того не ведая, подлил масла в огонь:

— Великий капитан Шэнь, я тебя умоляю, даже у геев есть какие-то границы! Ты бы ещё сказал, что он потерял там головкой своего агрегата!

Оба хохотали, совершенно не обращая внимания на переменившееся лицо Ци Цзи, и сошлись на том, что у Цинь Цзюэ просто щелкнуло что-то в голове. Но Ци Цзи, подтолкнутый их дурачеством, внезапно замер. Румянец мгновенно залил его щёки, а голос задрожал, зазвучав совершенно чуждо:

— Я вспомнил...

Шэнь Е и Цуй Сюэчжи с улыбками повернулись к нему, но в следующее мгновение у обоих едва не остановилось сердце.

— Это был он... Он меня поцеловал.

Слова были простыми, но Цуй Сюэчжи и Шэнь Е впали в ступор, будто перестали понимать китайский язык. Воздух в комнате в мгновение ока выкачалось, и он стал свинцово-тяжёлым. Но не успели они подгрести с пола отпавшие челюсти, как прилетел ещё один удар.

— Долго целовал. Настойчиво и без перерыва.

В просторной тренировочной воцарилась звонкая тишина. Никто из них даже представить не мог, что из недр памяти Ци Цзи всплывёт именно это.

Когда он, пытаясь совладать с накрывшей его бурей, начал сбивчиво излагать подробности, его тихий голос звучал на удивление чётко и весомо.

Пожалуй, Цуй Сюэчжи и Шэнь Е впервые видели, чтобы Ци Цзи говорил так много — словно человек, окончательно лишившийся рассудка.

— В ту ночь... я как раз вспомнил про кунжутные тянучки, которые покупал у ворот школы в день своего отчисления. А потом непостижимым образом тяжело рухнул на кровать.

— Я уже говорил раньше: уйти из школы было моим личным решением, мне до этого дела нет. Но... в ту ночь в глазах так жгло и щипало, а по щекам потекло что-то холодное.

— А потом... что-то большое, горячее и мягкое размазало эти слёзы по лицу.

— Я ничего не понимал, чувствовал лишь, как становится легче, хотя глаза жгло всё сильнее... И спустя мгновение к моим губам прикоснулось что-то ещё. Словно от безысходности или в какой-то спешке... Будто тот, кто это делал, отчаянно пытался меня отвлечь.

— К счастью, я и впрямь переключился и стал это кусать, так что глаза болеть перестали...

— Оно было... таким мягким, приятным, что я...

— Ты... что? — опешили оба ветерана, окончательно потерявшие нить. Но ещё больше их доканала финишная прямая: Ци Цзи прикрыл ладонью глаза и тихо выдохнул последние слова:

—... Возбудился.

<http://bllate.org/book/20659/2135100>